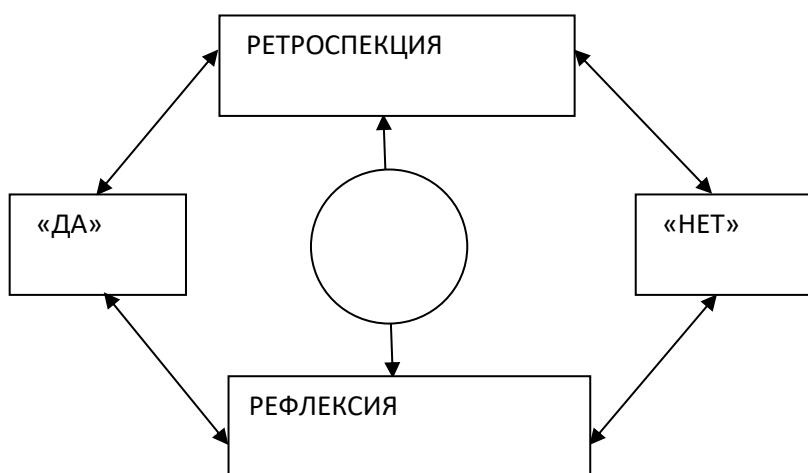

**РЕТРОСПЕКЦИЯ
И ЛИЧНОСТНАЯ ФОРМА ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕФЛЕКСИИ:
ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРИЕМОВ
(НА ПРИМЕРЕ ЭССЕ А. КАМЮ «МЕЖДУ ДА И НЕТ»)**

(Научный руководитель – канд. филол. наук, доц. В. В. Халипов)

Отправной точкой экзистенциализма является изолированная одинокая личность перед лицом абсурдного непознаваемого мира. «Поглощенному в конце 30-х годов философией абсурда, Камю не удается создать связной «иерархии» ценностей, которая вне индивида ложилась бы на его смутный чувственный опыт» [2]. Сам Камю к экзистенциалистам себя не относил, однако, по мнению Е. П. Кушкина, мотивы его раннего творчества, безусловно, имеют яркую экзистенциальную окраску. Эссе «Между да и нет», опубликованное в 1937 г., относится к самому раннему, так называемому «дофилософскому» этапу творчества писателя, где только опробуются подходы к тем проблемам, которые он поднимет впоследствии. Ориентируясь на человека, Камю пытается решить отнюдь не легкую задачу нахождения достойных условий его существования в природном и социальном мире с учетом реалий XX века. Введем два ключевых понятия данной работы, как то: ретроспекция и рефлексия. Ретроспекция (от лат. *retro* – назад и *specto* – смотрю) – обращение к прошлому, рассмотрение минувших событий, значит, прием ретроспекции в литературе подразумевает включение в повествование событий прошлого. Рефлексия же (от лат. *reflexio* – обращение, отражение), осуществляемая всегда на основе процессов восприятия и памяти, – понятие, которое применяется для обозначения актов самосознания, самопознания, самоанализа, самооценки. Отсюда личностная форма литературной рефлексии – форма опосредованного, обыденного сознания, которая сопряжена с анализом собственных поступков, их последствий и значения, что непосредственно отражается в том или ином литературном произведении. Немаловажно отметить выбор литературного жанра А. Камю. Как известно, эссе – это прозаическое сочинение небольшого объема и свободной композиции. Выражая индивидуальное впечатление и соображения по конкретному поводу или вопросу, оно заведомо не претендует на определяющую или исчерпывающую трактовку предмета, однако с субъективной точки зрения (а именно, по отношению к самому автору) может считаться самым подходящим жанром литературы для изложения и изучения проблем личности и происходящих в ней глубинных процессов. То есть сам выбор жанра как системы плана выражения, через которую будут передаваться идеи и мысли, касающиеся такого рода проблем, уже настраивает читателя на рассудительный лад. Поэтому теснейшей взаимосвязи ретроспекции и рефлексии в эссе «Между да и нет» благоприятствует буквально всё: начиная от выбора жанра, заканчивая соблюдением главных принципов экзистенциализма. Вспомним, что одним из

важнейших принципов экзистенциального течения в литературе как такового и, соответственно, сквозным мотивом раннего творчества Камю, в частности, является возможность реализации свободного выбора, что обусловливается существованием пограничной ситуации между жизнью и смертью, между надеждой и безнадежностью, между да и нет, где личность оказывается наедине с собой, выявляя свою подлинную сущность. И именно такие пограничные моменты могут считаться апогеем взаимосвязи ретроспекции и рефлексии. Проще говоря, человек, находясь где-то вовне, рассуждая, всегда будет обращаться к прошлому, а обращаясь к прошлому, не сможет избежать рассуждений. Изобразим схему:

Предположим, что эквивалент настоящего на схеме – это то, что Камю называет «нет». Мотив – отсутствие у человека возможности «включиться» в конкретный переживаемый момент жизни, связанной со скудным желанием или вовсе его отсутствием ценить происходящее, какого бы характера оно ни было, связанной с тем, что «в иные минуты хочется умереть, потому что видишь жизнь насквозь – и тогда все теряет значение и смысл»¹. Эквивалент прошлого – это то, что автор называет «да». Мотив – настоящее в качестве «нет» провоцирует ретроспекционные, а соответственно, и рефлексивные процессы, таким образом, прошедшие моменты автоматически приобретают положительный характер, поскольку выясняется их цена. Ретроспекция и рефлексия как два взаимодействующих процесса образуют ядро пограничной ситуации, где Камю вершит поиск самого себя. Пребывая в таком ядре, он не находится ни в прошлом, ни в настоящем, а где-то «между». Там он совсем один: «Странная мать, такая равнодушная! Только безграничное одиночество, переполняющее мир, помогает мне постичь меру этого равнодушия». Там же ему дается возможность «включиться» в былые моменты (то есть осознать их важность в конкретный промежуток времени), в которые в свое время «включиться» не удалось, и, как результат, – в идеальном случае возможность

¹ А. Камю. Эссе «Между да и нет». Здесь и далее цитаты приводятся из данного эссе.

вынести существенные уроки в пользу настоящего: «Лишь позднее он постиг, до чего одиноки были они в ту ночь. Одни против всех. «Другие» спали в этот час, когда их обоих сжигала лихорадка...»

Как скиталец возвращается на родину, так Камю предается воспоминаниям, а соответственно, и становится участником собственных процессов рефлексии. На протяжении всего эссе прослеживается перманентная переключка рассматриваемых литературных приёмов. Уже в самом начале они особым образом взаимопроникают: Камю рассуждает о важности любви и самозабвения и о значимости грусти былых несчастий, подчёркивая следующее: «В каждом вспомнившемся движении я вновь открываю себя». При этом, сидя в мавританской кофейне, на краю арабского города, он медленно погружается в эти самые воспоминания о себе, о своем доме и различных его деталях, которые хранит тело Камю, вплоть до того, что ноги его «в точности помнят высоту ступеней». И тут снова плавный переход от приема ретроспекции к непосредственной рефлексии о бедности, одиночестве и о том, что чему придает цену: «Бедность делает человека одиноким. Но одиночество это всему придает цену. Кто хоть на несколько ступеней поднялся к богатству, тот даже небо и ночь, полную звезд, принимает как нечто само собою разумеющееся». В процессе чтения невольно замечаются особенности взаимодействия рассматриваемых приемов с точки зрения плана выражения: если в первых нескольких абзацах приёмы взаимодействуют на уровне отрывков текста или предложений, то дальше мы можем наблюдать это и на уровне одного предложения. Например, говоря о матери, Камю обращается к прошлому и рассуждает: «Ее жизнь, ее заботы, ее дети – просто-напросто были при ней, а ведь того, что само собой разумеется, не ощущаешь». В плане же содержания два этих явления будут, безусловно, составлять единое целое без намёков на последовательность или её отсутствие, на взаимное проникновение или параллелизм. Примечательно также то, что очень достойно показано фактическое отсутствие рефлексии одного человека внутри тесно связанных воспоминаний и рассуждений другого (хотя формально обстановка этому благоприятствует): «Иной раз у неё спрашивали: «О чем ты думаешь?» «Ни о чем», – отвечала она. И это была правда. Всё тут, при ней, – о чем же думать?» К тому же, к вышеупомянутой ситуации добавляется ярко-серая краска тщетности бытия: «Случалось, в такой вот вечер, какие ему теперь вспоминаются, она вернётся без сил с работы (она ходила по домам убирать) и не застанет ни души. Старуха ушла за покупками, дети ещё в школе. Тогда она опустится на стул и смутным взглядом растерянно уставится на трещину в полу. Вокруг неё сгущается ночь, и во тьме немота её полна безысходного уныния». «Она привыкла по вечерам выходить на балкон. Садилась на стул, прикивала губами к холодным ржавым железным перилам. И смотрела на прохожих. За спиной у неё понемногу сгущалась тьма. Перед нею вдруг вспыхивали витрины. Улицу заполняли огни и люди. И мать погружалась в бесцельное созерцание».

Показательно также употребление третьего лица по отношению к самому себе, что на порядок усиливает эффект отрешенности, эффект нахождения

вовне, состояния между да и нет, при этом автор ни на миг не отвлекается от сквозной роли взаимосвязи рассматриваемых литературных приёмов: «Думаю о мальчишке, что жил в бедном квартале», «И мать мальчика тоже всегда молчала», «Лишь позднее он постиг, до чего одиноки они были в ту ночь» и т.д.

Делая вывод, следует отметить, что ретроспекция и рефлексия как литературные приёмы взаимодействуют в эссе А. Камю на различных уровнях, что подобное взаимодействие также имеет подспорье в виде выбора жанра и следования определенным принципам литературного экзистенциализма, что приёмы эти могут перекликаться, взаимопроникать или же создавать ситуацию, когда рефлексия предстает перед нами как явление, вытекающее из ретроспекции. Более того, обращаясь вновь к плану содержания, заметим, что с их помощью Камю приходит к определенным частным заключениям, которые являются фундаментальными для репрезентации экзистенциальной личности: в час затишья между да и нет, в час пограничного состояния, в час «обуревания» ретроспекциями и рефлексиями важно отложить и надежду, и отвращение к жизни на другие часы. Так как с очень большой долей вероятности в этот самый час до человека могут дойти как до смеха простые вещи, так и смысл субъективного существования, смысл субъективного бытия, каким бы он ни был.

Литература

1. Камю, А. Между да и нет / А. Камю // Апрель в Париже: Антология. – М.: Центр книги Рудомино, 2012. – С. 699 – 707.
2. Кушкин, Е. П. Альбер Камю. Ранние годы. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1982.